

УДК 323.15

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-82-88

Дарья Александровна Ананьина,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: ananina_1989@mail.ru

Влияние культурной революции на трансформацию этнокультурной идентичности малочисленных народов КНР (на примере уйгуров СУАР)

Рассмотрению предпосылок, процесса и результатов установления коммунистического режима в Китае посвящено достаточно большое количество научных трудов, созданных как непосредственно китайскими, так отечественными и западными учёными. Учитывая многоаспектность данного вопроса, в данном исследовании проводится анализ такого явления в новейшей истории Китая, как «культурная революция», распространившаяся в масштабах всего государства, в том числе в районах, населёемых национальными меньшинствами, что не могло не сказаться на жизни проживающих на этих территориях этнических сообществ. «Культурная революция» имела своей целью упразднение отживших традиций и формирование «маоистского человека», свободного от гнёта устаревшей, сдерживающей прогресс китайского общества, вступившего на путь построения коммунизма, традиционистской культуры. Поэтому в данном контексте ломка прежних устоев в среде нацменьшинств имела свои последствия, сказавшиеся как непосредственно на самой культуре национального меньшинства, так и на дальнейшем развитии отношений этих этносов с официальными властями Китая. Одним из таковых последствий «культурной революции», развёрнутой в отношении уйгуров, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, рассматриваемых нами в рамках статьи, является трансформация их этнокультурной идентичности. Это нашло выражение в переориентации религиозной идентичности уйгуров, являющейся центральным элементом их этнокультурной идентичности, в более радикальные формы, а также в стремлении к консерватизму, изоляции, ограничению социальных контактов с представителями другого этноса и вероисповедания.

Ключевые слова: культурная революция, уйгуры, Мао Цзедун, СУАР, этнокультурная идентичность, межэтнический конфликт

Daria A. Ananyina,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: ananina_1989@mail.ru

The Influence of the Cultural Revolution on the Transformation of the Ethno-Cultural Identity of the Indigenous Peoples of China (on the Example of the Uyghurs of the XUAR)

Consideration of the prerequisites, process and results of the establishment of the communist regime in China is devoted to a fairly large number of scientific works created by both Chinese, Russian and Western scholars. Taking into account the multidimensional nature of this issue, this study analyzes such phenomenon in the recent history of China as the Cultural Revolution, which has spread throughout the state, including the areas inhabited by national minorities, which could not but affect the life of ethnic communities. The Cultural Revolution aimed at the abolition of obsolete traditions and the formation of a “Maoist man” free from the oppression of the obsolete, restraining progress of the Chinese society, which had embarked on the path of building communism, traditionalist culture. Therefore, in this context, the breakdown of previous foundations among national minorities had its consequences, affecting both the culture of the national minority itself and the further development of its relations with the official authorities of China. In the framework of this article, we consider the transformation of ethnocultural identity as one of the consequences of the Cultural Revolution unfolded in relation to the Uyghurs living in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC. This found expression in the reorientation of the religious identity of the Uyghurs, which is the central element of their ethnocultural identity in more radical forms, as well as in the desire for conservatism, isolation, and the restriction of social contacts with representatives of a different ethnic group and religion.

Keywords: cultural revolution, Uyghurs, Mao Zedong, XUAR, ethno-cultural identity, interethnic conflict

Введение. Провозглашение в 1949 г. в результате свержения последнего маньчжурского императора династии Цин – Пу И Китайской Народной Республики повлекло за собой внутривластную переориентацию правящего руководства, направленную на формирование обновлённого и избавившегося «от тлетворного влияния традиций» общества. Эти преобразования были ори-

ентированы на всестороннюю модернизацию Китая, рассматриваемую идеологом революции – Мао Цзедунем в русле строительства коммунизма. Как и в случае с русскими марксистами, главная проблема, стоящая перед китайскими марксистами, заключалась в том, что подавляющее большинство населения составляли не рабочие, а крестьяне, со свойственным им сознани-

© Ананьина Д. А., 2020

ем, базирующимся на многовековых имперских традициях. В условиях развернувшейся революции насущным становится вопрос о трансформации сознания широких крестьянских масс, насаждении марксистско-ленинской идеологии и, таким образом, создании класса пролетариата. Мао Цзедун в этой связи полагал, что «без разрушения нет созидания. Только устроив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там порядок» [2, с. 146]. Фундаментальная задача внедрения в массовое сознание имела своей целью перекроить структуру идентичности отдельного индивида, возведя на её вершину идеологическую принадлежность таким образом, чтобы все остальные уровни идентификации находились в подчинённом положении по отношению к ней. Естественно, этот процесс потребовал кардинального переустройства всех сфер жизни общества, включающего реформирование экономики, политики, культуры, пересмотра принципов межэтнического взаимодействия. Актуальность рассмотрения вопроса о практическом воплощении теории воспитания «нового» человека в условиях культурной революции в КНР обусловлена философской проблемой более широкого порядка, а именно определения возможности и границ конструирования идентичности. Актуальным также представляется компаративистский анализ обозначенных событий и их последствий, происходящих в Китае с аналогичными процессами, имевшими место в России в 20–30-х гг. прошлого столетия.

Методология и методы исследования. В основе методологии данного исследования лежит метод компаративистского анализа, который позволяет рассмотреть концепцию рецепций сталинской модели социалистической государственности, заимствованной Мао Цзедуну, и принципов, по которым проводились социальные преобразования. Конструктивистский анализ теории В. И. Ленина «о праве наций на самоопределение», «теории наций» И. В. Сталина, сформулированной в 1913 г. и определяющей нацию как «исторически сложившееся сообщество людей, имеющих общую территорию, общий язык, общую экономику и общую психологическую структуру, которая выражается в общей культуре», использует с целью анализа марксистско-ленинской позиции в вопросах конструирования идентичности, которые были переняты Китаем в результате установления в стране коммунистического режима [9, с. 307].

Анализируется «теория конструирования этнической идентичности» В. Тишкова, полагающего, что «групповая этническая идентичность как операция социального конституирования “воображаемых общно-

стей” основана на вере, что они связаны естественными, и даже природными связями; это позволяет выявить составительную и множественную природу идентичности, выстраиваемую в итоге диалога властных отношений между группами, между группой и государством, или между государствами» [11]. Применяемый в данном случае конструктивистский анализ раскрывает механизм социального конструирования этнической идентичности, обусловленный наднациональными процессами.

Результаты исследования и их об- суждение. С целью анализа последствий культурной революции, отразившихся на идентичности, – социокультурном теле этнофоров – индивидов, являющихся единицами этнических меньшинств, населяющих Китай, а именно уйгуров СУАР, следует, прежде всего, дать краткую справку интересующему нас историческому периоду и соответствующим ему политико-экономическим, идеологическим реалиям.

Масштабность данного феномена позволяет определить его в качестве «водораздела» между современной историей Китая и «определяющим десятилетием полувекового правления коммунистического режима», начавшимся в 1966 г. и завершившимся смертью Мао Цзедуну в 1976 г. Многие учёные полагают, что причину возникновения «культурной революции» следует искать в личных мотивах Мао, в стремлении изменить принципы преемственности и внести коррективы в бюрократическую систему [1]. Однако, как представляется, кроме чисто прагматичной цели упразднения партийных оппонентов, Мао в то же время преследовал и идеологические, а именно борьбу с традиционализмом на всех уровнях.

Первый этап «культурной революции» пришёлся на период с 1966 по 1969 г. В августе 1966 г. Мао призвал учащихся городских средних школ и колледжей формировать «Красные бригады», вошедшие в историю как «хунвэйбины» (кит. 红卫兵, *hóngwèibīng*), с целью борьбы с «классовыми врагами». На пике «культурной революции» (1967–1968) Китай пребывал в состоянии, которое Мао позже описывал как «разноуровневую гражданскую войну», поскольку борьба за власть велась между различными социальными группами, между кадрами в партийных и правительственных органах. По его словам, «борьбой были охвачены все социальные слои; повсеместно происходило разделение на две фракции – на каждом заводе, в каждой школе, в каждой провинции, в каждом уезде». В разгар фракционного противоборства Мао начал кампанию по очищению правительственного аппарата от любых реальных и воображаемых врагов. Изначальные цели этих мероприятий с те-

чением времени стали размываться, а сам процесс во многом перестал быть контролируемым. Так, некоторые должностные лица неизменно расширяли сферу практического применения кампании «по очищению» и повсеместно использовали её для оправдания повышения уровня организованного насилия в целом по стране.

Эти процессы коснулись, в том числе, и районов компактного проживания национальностей, в отношении которых было принято решение об их административном разделении на «культурно-национальные автономии» в их ленинской трактовке. Следует отметить также сформулированное Лениным положение «о наличии двух культур в каждой национальной культуре». В каждой культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, пишет он, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная... – причём не в виде только элементов, а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [10, с. 203]. В этой связи «культурная революция», осуществляемая во вновь образованных автономиях, также приобретает очертания классовой борьбы, имеющей своей целью искоренение буржуазной культуры, пребывающей под видом национальной. Следует отметить, что подавляющее большинство национальных меньшинств населяло бедные сельские районы или западные провинции. Так как они имели статус крестьян или кочевников, то большинство из них были исключены из городской экономики, субсидируемой государством. Более того, КПК полагало национальностей в целом более «отсталыми», по сравнению с титульным этносом – хань. Официальная партийная теория исторического материализма гласила, что история человечества отмечена развитием в несколько этапов, от первобытного общества до рабовладельческой, феодальной, капиталистической и, наконец, социалистической формаций. По мнению партии, национальностей всё ещё пребывали в рабстве или феодализме, в то время как ханьцы перешли в «полufeодальное» общество до 1949 г. Эта кажущаяся отсталость означала, что национальным районам потребуется больше времени для осуществления социальных преобразований, которые требовала партия. Как подчёркивает Юэнь Сиу, после «культурной революции» патерналистская политика в отношении автономных районов закрепляется окончательно. Спускаемая сверху этнонациональная политика, инициируемая

центральным правительством, может быть воспринята как обязанность большинства ханьцев заботиться о своих более слабых братьях из числа национальностей [17]. По мнению А. В. Меликсетова, «в Синьцзяне происходило ужесточение курса КПК в годы “большого скачка”, местные кадры были заменены ханьцами, организовано их массовое переселение. Запускаются кампании стихийной мобилизации против классовых врагов, во время которых гонениям подверглась значительная часть местных кадровых работников в Цинхае, Синьцзяне, Внутренней Монголии, Тибете» [4, с. 195]. В течение 50–70-х гг. в Синьцзяне, как и в остальном Китае, были наложены жёсткие ограничения на свободу слова, соответственно все газеты, книги, радио и прочие СМИ становятся инструментами пропаганды социализма.

Установление нового порядка в сельских районах, в том числе и в национальных автономиях, включая СУАР, было сопряжено с тотальным переустройством сельского быта. Осуществлялись программы земельной реформы и конфискации активов зажиточных крестьян, а также применялись санкции, включая смертную казнь в отношении тех, кто проявлял враждебность новому режиму. Ю. В. Яременко отмечает, что «были проведены мероприятия по обобществлению быта. Главным среди таковых нововведений было создание коммун. “Коммунизация” деревни обосновывается как приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений, бесплатное (уравнивательное) обеспечение в “народных коммунах” рассматривается как зачаток коммунистического распределения и т. д.» [12, с. 112]. Отмена приусадебных участков, обобществление скота, находившегося в личном пользовании инвентаря, проходили под лозунгом «ликвидации частнособственнических хвостов». В собственности коммун поступали не только средства производства, но и дома, строения, запасы продовольствия. После создания коммун продукт, произведённый личным хозяйством, уже не принадлежал их прежним владельцам, а поступал в общественную столовую. Обобществление домов выражалось в том, что после переписи и оценки часть построек выделялась для нужд коммун, производилось уплотнение и т. д.» [6, с. 27]. Подобная тактика трансформации сельского быта, применяемая КПК, прослеживается и на примере такого явления, как «уплотнение» путём создания коммунальных квартир в Советской России периода военного коммунизма. Как отмечает Н. Лебина, «идеология – стержень всей советской действительности – и её материализованная реальность (санитарные, жилищные, коммунально-финансовые нормы) позволяли использовать квар-

тиру, комнату, угол как механизм воспитания новой советской ментальности. Формирование «коммунальных тел» оказалось значительно проще осуществлять насильственными методами без соблюдения границ телесности» [3, с. 115]. Обобществление быта стало, таким образом, одним из механизмов насаждения коллективистского образа жизни, при котором границы отдельной личности размывались, а частная жизнь утрачивала свою приватность.

Необходимо отметить, что подобные меры, предпринимаемые китайским руководством, были направлены не только на модернизацию сельскохозяйственного сектора во всех административных единицах Китая, но и в то же время преследовали идеологическую цель, суть которой сводилась к воспитанию и культивированию в людях коллективистского мировоззрения. Борьба с индивидуализмом осуществлялась за счёт ликвидации «всего частного» – частной собственности, частной жизни, индивидуального способа мышления, на месте которых требовалось взрастить новые ценности, подчинённые интересам и нуждам коллектива, на микроуровне – коммуны, на макрогосударства.

Прямые аналогии этих процессов можно проследить, если обратиться к истории молодой Советской республики периода 1920–1930-х гг. Феномен «продразверстки», широко распространённый на территории Советской России, предусматривал почти полное изъятие хлеба у крестьян. Наблюдались посягательства на частную собственность, нарушение прав собственника, социальная несправедливость, тяжёлое материальное положение. В числе внешних факторов, определённых политикой государства, её идеологией, экономикой, а также действиями органов власти различных уровней, наиболее заметное воздействие на крестьян оказывали: пропаганда социалистического образа жизни в деревне; реализация местными органами власти политики ликвидации кулачества как класса; применение насильственных методов коллективизации; внедрение принципов колхозного труда; проведение классовой политики налогообложения; массированное наступление на религию и церковь [8, с. 21]. Таким образом, очевидно, что контуры политики Советов периода «продразверстки» и Китая эпохи «культурной революции» пролегли в общей плоскости построения коммунистического общества «всеобщего благоденствия», лишённого внутреннего антагонизма за счёт достижения унифицированного, непротиворечивого, гомогенного состояния.

В деле содействия идее всеобщего уравнивания необходимым представлялось

решение задачи борьбы с конкурирующим мировоззрением, глубоко укоренённым в сознании народных масс СУАР – с религией. Поэтому культура и религия национальных меньшинств во время Великого скачка и «культурной революции» испытали на себе ассимилятивную политику [13]. Выражение этнической идентичности через использование соответствующего языка, осуществление религиозных практик было квалифицировано как «буржуазный пережиток» и, соответственно, подлежало упразднению. Так, религия, являющаяся центральным элементом этнокультурной идентичности уйгуров, рассматривалась как реакционная сила в новом социалистическом Китае, которая противоречила новой идеологии, поэтому КПК повсеместно стремилась отучить людей от веры и таким образом предотвратить социальную сегрегацию. Провозглашение атеизма во время «культурной революции» имело под собой теоретический конструкт, основанный на синофицированной марксистской идеологии. Получившийся синтез западной концепции в его азиатском исполнении демонстрирует смешение китайского агностицизма, ханьского национализма и марксизма [15]. Так как этнонациональная политика КПК в значительной степени опиралась на опыт Коммунистической партии СССР в работе с этносами и борьбе с религиозными организациями, то в обеих странах превалировала коммунистическая теория религии, соответствующая антирелигиозным традициям. Согласно марксистской философии, «человек создаёт религию, а не наоборот». Религия – это самосознание человека, который ещё не нашёл себя или уже потерял себя снова. Религия – это фантастическая реализация человеческой сущности. Религия – это знак угнетённого существа. Это опиум для людей. Уничтожение религии как иллюзорного счастья человека – есть необходимое условие для его настоящего счастья» [16, с. 422]. Подобные лозунги должны были способствовать переориентации общественного сознания, осуществляемого с помощью популяризации политических исследований, постулирующих идею того, что религия есть инструмент подчинения, созданный эксплуататорским классом.

Трансформации подверглась вся социальная сфера, в том числе и медицина. Традиционной уйгурской медицине, история которой насчитывает более 2 500 лет, присущи черты культуры западных районов Китая, она обладает своей спецификой и характеризуется богатой лечебной практикой, не имеющей аналогов в Китае и мире [7]. Во время «культурной революции» местным традиционным медицинским практикам полагалось трансформироваться в но-

вый тип революционной медицины, в рамках которой идентичность сельских врачей должна была быть переориентирована из профессиональной в идеологическую. Мао Цзедун стремился нивелировать профессиональную идентичность местных врачей, потому как их абстрактные знания и опыт лежали в плоскости «индивидуальности» и якобы отдаляли их от народных масс, создавая препятствия в процессе воспитания коллективизма. «Революционному» врачу предписывалось воплощать в жизнь идею «братства», действующего в рамках общей идентификации собратьев-крестьян [14].

Заключение. Таким образом, периоды «большого скачка» и «культурной революции» явились для всего Китая и для его народа не только трамплином, с которым связывались надежды партии на скорейшую индустриализацию аграрной по своей сути страны, но и стали временем массового социального эксперимента по трансформации идентичности огромного населения, что коснулось всех 56 национальностей. По мнению В. С. Новичкова, считалось, что под влиянием массовых социалистических изменений в жизни народов КНР в стране сложились благоприятные условия для постепенного стирания национальных различий. И на этой почве возможно построение нового классово однородного общества. Причём официально это не рассматривалось как ассимиляция или «китаизация», а лишь как ещё один шаг к коммунизации всех народов КНР «на взаимно равноправной основе». Создание подобного суперэтноса предполагало подведение всех народов страны под единые политические; социально-экономические; культурные стандарты. Это означало фактическое упразднение любых особенностей, способных идентифицировать тот или иной народ. Словом, этническое самосознание народов КНР должно уступить своё место новым ценностям «единой нации» [5, с. 49]. Стремление китайского руководства привести население своей страны под «общий

знаменатель» воплощалось в принятии соответствующих мер, связанных с культивированием в сознании народных масс идеала «всеобщего процветания» взамен «единоличного счастья», являющегося ценностью «загнивающего капитализма». Происходило отрицание индивидуальной, личной свободы в пользу интересов общества. Неприемлемыми считались качества эгоизма, стремления к лидерству и, напротив, социально одобрялась искренняя преданность коллективу.

Идеал «нового человека» представлял собой социокультурный продукт искоренения «четырёх анахронизмов» (старых идей, старой культуры, старых обычаев, старых привычек) – как неотъемлемых атрибутов буржуазного строя. Концепция «маоистской» добродетели непременно должна была включать терпение, усердие, простоту, бескорыстие, готовность служить другим, самодисциплину. В фильмах, художественной литературе, театральных постановках транслировались идеалы самоотверженности и готовности к тяжёлому труду. Формирование коллективного духа – идейной основы коммунистического общества происходило через укоренение в сознании народных масс, в том числе и этнических, идеала содействия общественному благу.

Однако форсированное строительство «нового общества», сопровождаемое массированными атаками на национальную культуру, язык, быт, религию населения национальных автономий, в том числе, СУАР, не способствовало их сколько-нибудь значимой интеграции в общекитайский контекст, а, наоборот, усилило тенденцию к сегрегации и накоплению протестного ресурса. Рост националистических настроений, проблема сепаратизма, распространения фундаменталистской идеологии в Синьцзяне на рубеже XX–XXI вв. является ценой, которую придётся платить последующим поколениям китайских руководителей за провальную кампанию по денационализации времён «культурной революции».

Список литературы

1. Гросс М. Между партией, людьми и профессией: врач во время культурной революции // *Medical History*. 2018. № 4. С. 333–359.
2. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/revolyutsionnyy-period-v-kitae> (дата обращения: 20.03.2020). Текст: электронный.
3. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920–1930-е годы. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. 320 с.
4. Меликсетов А. В. История Китая. М.: Изд-во МГУ: Высш. шк., 2002. 736 с.
5. Новичков В. С. Сущность национальной политики в КНР в период деструкции (1957–1978 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 15. С. 48–54.
6. Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М.: Форум, 2011. 352 с.
7. Развитие уйгурской национальной медицины. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31516/7115605.html> (дата обращения: 20.03.2020). Текст: электронный.
8. Серебрякова И. Г. Социальная психология крестьянского Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 24 с.

9. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 2. 312 с.
10. Субетто А. И. В. И. Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму. СПб.: Астерион, 2010. 498 с.
11. Тишков В. Конструирование этнической идентичности. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html> (дата обращения: 20.03.2020). Текст: электронный.
12. Яременко Ю. В. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. М.: Политиздат, 1968. 143 с.
13. Chinese Society under Mao: Classifications, Social Hierarchies and Distribution. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/social-history-of-maoist-china/chinese-society-under-mao-classifications-social-hierarchies-and-distribution/4836D7D43D69906AC7A618C671186B82/core-reader> (дата обращения: 20.03.2020). Текст: электронный.
14. Hammoura J., Ülger I. Behing the Great Wall: identification of China`s «Ethnic Minorities» & the State`s Assimilation Process // Minority Identification Process and the Status of Minorities. 2018. Vol. 4. Pp. 15–32.
15. MacFarquhar R. The Origins of the Cultural Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Vol. 3. Pp. 97–130.
16. Mukherjee K. The Uyghur Question in Contemporary China // Strategic Analysis. 2010. No. 3. Pp. 420–435.
17. Yuen Siu Tim Ethnic Minority Policy of People's Republic of China. URL: [https://www.eduhk.hk/diversityproject/Outputs%20and%20downloads/Doc/Ethnic%20Minority%20Policy%20of%20People%20\(Final\).pdf](https://www.eduhk.hk/diversityproject/Outputs%20and%20downloads/Doc/Ethnic%20Minority%20Policy%20of%20People%20(Final).pdf) (дата обращения: 20.03.2020). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 25.04.2020; принята к публикации 28.05.2020

Сведения об авторе

Ананьина Дарья Александровна, кандидат философских наук, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail:ananina_1989@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>.

Библиографическое описание статьи

Ананьина Д. А. Влияние культурной революции на трансформацию этнокультурной идентичности малочисленных народов КНР (на примере уйгуров СУАР) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 82–88. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-82-88.

References

1. Gross, M. Between the party, people and the profession: a doctor during the Cultural Revolution. Medical History. 2018:333–359. (In Rus.)
2. Kondorsky, B. The revolutionary period in China. Web.20.03.2020. URL: <https://www.ru/article/n/revolyutsionnyy-period-v-kitae>. (In Rus.)
3. Leбина, N. Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies, the 1920s-1930s. SPb: Neva, 1999. (In Rus.)
4. Meliksetov, A. History of China. M: MSU, Publishing House "Higher School", 2002. (In Rus.)
5. Novichkov, V. The essence of national politics in China during the period of destruction (1957–1978). Bulletin of TSU, no. 15, pp. 48–54, 2015. (In Rus.)
6. Pivovarova, E. Socialism with Chinese characteristics. M: Publishing House Forum, 2011. (In Rus.)
7. The development of Uyghur national medicine. Web. 20.03.2020. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31516/7115605.html>. (In Rus.)
8. Serebryakova, I. Social psychology of the peasant Urals during the period of continuous collectivization (1929–1933). Cand. sci. diss. abstr. Yekaterinburg, 2006. (In Rus.)
9. Stalin, I. Marxism and the national question. Op. M: OGIЗ; Gos. publishing house watered. liters, 1946. (In Rus.)
10. Subetto, A. I. Lenin: the genius of the Russian breakthrough of mankind towards socialism. St. Petersburg: Asterion, 2010. (In Rus.)
11. Tishkov, V. The construction of ethnic identity. Web. 20.04.2020. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html>. (In Rus.)
12. Yaremenko, Y. The Great Leap Forward and the People's Communes in China. M: Politizdat. 1968. (In Rus.)
13. Chinese Society under Mao: Classifications, Social Hierarchies and Distribution. Web. 20.03.2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/social-history-of-maoist-china/chinese-society-under-mao-classifications-social-hierarchies-and-distribution/4836D7D43D69906AC7A618C671186B82/core-reader>. (In Engl.)
14. Hammoura, J., Ülger, I. Behing the Great Wall: identification of China's "Ethnic Minorities" & the State's Assimilation Process. Minority Identification Process and the Status of Minorities, 2018. no. 1, pp. 15–32. (In Rus.)
15. MacFarquhar, R. The Origins of the Cultural Revolution. Cambridge University Press, vol. 3, pp. 97–130, 1997. (In Engl.)

16. Mukherjee, K. The Uyghur Question in Contemporary China. *Strategic Analysis*, no. 3, pp. 420–435, 2010. (In Engl.)

17. Yuen Siu Tim Ethnic Minority Policy of People's Republic of China. Web. 20.03.2020. URL: [https://www.eduhk.hk/diversityproject/Outputs%20and%20downloads/Doc/Ethnic%20Minority%20Policy%20of%20People%20\(Final\).pdf](https://www.eduhk.hk/diversityproject/Outputs%20and%20downloads/Doc/Ethnic%20Minority%20Policy%20of%20People%20(Final).pdf) (In Engl.)

Received: April 25, 2020; accepted for publication May 28, 2020

Information about author

Ananyina Daria A., Candidate of Philosophy; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: ananina_1989@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>.

Reference to the article

Ananyina D. A. The Influence of the Cultural Revolution on the Transformation of the Ethno-Cultural Identity of the Indigenous Peoples of China (On the Example of the Uyghurs of the XUAR) // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 82–88. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-82-88.
